

УДК 1(091)

СЕРГЕЙ ГЕССЕН: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ФАКТ РЕАЛИЗАЦИИ МИНИМУМА ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО БЫТИЯ

Сторчеус Надежда Вячеславовна,

доцент кафедры правовых и гуманитарных дисциплин,

e-mail: n.storcheus@365.rsu.edu.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

Статья посвящена С.И. Гессену, представителю русского баденского неокантианства, чьи взгляды (С.И. Гессена, Б.В. Яковенко, Ф.А. Степуна) относительно исторического процесса (так же, как и использование индивидуализирующего метода для теоретизации исторической реальности) дают основание говорить о русском баденском неокантианстве как самобытном образовании. Творчество С.И. Гессена демонстрирует как рецепцию главного принципа в трактовке истории, которая понимается как имеющая относительный характер, поскольку всё решают ценности, так и методологических разработок основателей Баденской школы неокантианства.

Ключевые слова: неокантианство, трансцендентальное, трансцендентное, история, историософия, С.И. Гессен

SERGEY GESSEN: HISTORICAL FACT AS A FACT OF THE REALIZATION OF THE MINIMUM OF TRANSCENDENTAL BEING

Storcheus N.V.,

associate professor of the department of legal and humanitarian disciplines,

e-mail: n.storcheus@365.rsu.edu.ru,

Moscow Witte University, a branch in the city of Ryazan

The article is dedicated to S.I. Gessen, a representative of Russian Baden neo-Kantianism, whose views (S.I. Gessen, B.V. Yakovenko, F.A. neo-Kantianism as a distinctive formation. The creativity of S.I. Gessen demonstrates both the reception of the main principle in the interpretation of history, which is understood as having a relative character, since everything is decided by values, and the methodological developments of the founders of the Baden school of neo-Kantianism.

Keywords: neo-Kantianism, transcendental, transcendental, history, historiosophy, S.I. Hesse

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-30-34

Чуть более ста лет назад, летом 1917 года на должность ординарного профессора кафедры филологии новообразованного историко-филологического факультета Томского университета был назначен Сергей Иосифович Гессен, русский философ-неокантианец Баденской школы. «В Томске я провел 4 года. Это были годы революции и гражданской войны, эпидемии сыпного тифа и больших материальных лишений; несмотря на это, я вспоминаю эти годы с большим удовольствием. Факультет, в котором я сначала замещал декана, а позже в течение двух лет состоял деканом, представлял собою дружную семью, не знающую ни интриг, ни взаимных подсиживаний, что так часто характеризовало провинциальные университеты... прекрасная библиотека Томского университета с богатым собранием книг по философии была удачно дополнена семинарской библиотекой... Так что в течение всех этих лет не чувствовалось, что живешь в отдаленном провинциальном городе» [2, с. 740]. Здесь он проработал до лета 1921 года; лекции, прочитанные как в Томском университете, так и в педагогическом институте, на Сибирских Высших женских курсах и нескольких учительских курсах Томской и Новониколаевской губернии, стали основой его самой известной работы «Основы педагогики. Введение в прикладную философию». Здесь Гессен формулирует свое решение некоторых философских вопросов, например, учение о личности. В этой книге Сергей Иосифович определяет свою философскую точку зрения как попытку синтеза разума и интуиции, монизма и плюрализма, рационализма и иррационализма. Гессен

позиционирует её как близкую риккертскому «принципу гетерологии», сущность которого состоит в том, что противоборство двух начал превращается в единство двух моментов, когда «одно» постигается через обнаружение в нём «другого». Гессен называет это «вечным мотивом диалектики».

Поскольку революционные события и гражданская война совсем не способствовали развитию университетской науки, Сергей Иосифович был командирован в Петроград, чтобы как-то повлиять на ситуацию острой нехватки преподавателей и учебной литературы. В Томск он уже не вернулся и в декабре 1921 философ вместе с семьёй был вынужден эмигрировать.

Помимо «Основ педагогики», С.И. Гессен также известен своей работой в журнале «Логос» вместе с другими русскими мыслителями, также учениками В. Виндельбанда и Г. Риккерта – Ф.А. Степун и Б.В. Яковенко. Философские взгляды представителей этой группы, которую мы называем «Русский Баден» (критерием, позволяющим говорить о принадлежности мыслителя к какой-либо группе или школе, в данном случае является представление об истории, формирование определенной позиции по отношению к основным темам), сформировались посредством рецепции идей И. Канта, Г.Ф.В. Гегеля, И. Фихте, Л. Фейербаха, М. Экхарта и через его посредство – неоплатонизма, а также русских мыслителей – Владимира Соловьева и Василия Розанова. Однако влияние Баденской школы неокантианства было основополагающим: идеи В. Виндельбанда и Г. Риккерта стали начальной базой, основой, на которой осуществлялось самостоятельное философствование, в том числе определённая манера историософствования. Правда, нельзя не признать, что «районирование» западноевропейского неокантианства в России проходило в атмосфере как его пропаганды, так и беспощадной, иногда даже злой, критики, касающейся не только самой философии, но и моментов, ее обуславливающих.

В свою очередь, взгляды отцов-основателей формировались под влиянием Г. Лотце. Его взгляды на историю и смысл исторического действия представлены в работе «Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии». В главе 2 «Смысл истории» Лотце рассматривает четыре наиболее популярные, на его взгляд, концепции:

– история как воспитание. «Сколько ни превозносят историю как наставницу людского рода, человечество редко пользуется ее уроками», – сетует философ. Правда, имеется в виду воспитание образованного меньшинства при наличии огромных масс духовно нищего человечества;

– история – «поэма Божия, истекшая из творческой его фантазии со всей свободой и теплотой истинно-художественного произведения». Иногда это – эпос, иногда трагедия, а когда и комедия;

– истории нет как поступательного движения. Земная жизнь – всегдашнее круговращение в прежних же несовершенствах. «Только постоянный, непосредственный возврат единичного сердца к Богу и к парению в сверхчувственный мир... можно считать настоящим успехом». Но это невозможно без «круговращения» – «кто ничего не пережил, того одиночество не умудрит»;

– неисторический подход: «неисторическая жизнь, не ведется ли и в самом деле большею частью человечества? Ведь вся тревога, все многообразие тех постоянных переворотов и преобразований, которым ищем мы объединительного смысла, разве не есть, наконец, история одних только мужчин? Сквозь все эти бури и непогоды проходят, едва замечая их переменные освещения, женщины, и повторяют все на один и тот же лад простые и великие жизненные формы человеческого духа» [3, с. 59].

Интерес к истории также присущ и отцам-основателям Баденской школы. Вильгельм Виндельбанд исходит из идеи о том, что ценности, царству которых причастна реальность, обладают значимостью без необходимости быть и, следовательно, нет смысла говорить о них вне их нормативного отношения к каждому содержанию представления во временном и пространственном порядке; сказанное, в том числе, относится и к пониманию истории.

История – особая наука, объект которой есть конкретное, обрабатываемое с помощью единичных понятий, в отличие от объектов естественно-научных, материал которых обрабатывается с помощью общих понятий, – такова вкратце установка Г. Риккерта. Гессен позиционирует себя как его сторонник: «В понимании истории как индивидуализирующей науки о культуре мы согласны с Риккертом, который, на наш взгляд, глубже других понял существо исторического метода» [2, с. 273]. Ценности – базовое понятие историософии: историософское толкование исторического процесса предполагает воплощение в ходе истории тех или иных аксиологических принципов, это переживание истории как своей личной судьбы, в то время как философия истории требует абстрагирования от личности познающего.

Историософия основывается на том, что:

- есть целостный взгляд на историю, понимание ее как целого;
- имеет пограничный характер – выход за рамки как собственно исторической науки, так и философии.

Итак, с точки зрения основателей Баденской школы неокантианства, сама история – относительно, всё решают ценности. Замечательно сформулировал это В.В. Биbihин: «Что может им предоставить идиографическая наука, по определению тонущая в неповторимых деталях? *Ценность!* Через мир культуры, истории, религии проходит один, одинаковый во всех индивидах, *закон*, если хотите, или, вернее, *норма ценностная*, и соответственно идея *долга*, долженствования. Она объединяет все неповторимые индивидуальности... В работе Риккерта *Der Gegenstand der Erkenntnis* (1915) предмет познания как у Канта дан *априори*, не в каком-то бытии вне сознания: отыскивается познающим всегда *ценность*, или *должное*. Это закон в нас. Что бы мы ни познавали, мы ищем *ценное*, судим, следуя *должному*» [1, с. 241].

Русские ученики основателей Баденской школы занимались и методологией истории, и интерпретацией исторического процесса тем более, что рубеж XIX–XX столетий был весьма богат на потрясения как в жизни страны, так и мира в целом: интерес к теоретизации истории, разработка методологии исторического познания представляются более чем оправданным. По словам Б.В. Яковенко, история – смесь тенденций: познания – с эмоционально-волевым переживанием, науки – с изложением образов.

Рассуждая об этапах исторического процесса, Гессен выделил три пласта или плана человеческого бытия – биологический, социальный и духовно-культурный, что вполне вписывается как «частный человеческо-бытийный» случай в представления Риккерта, как тот излагает свои взгляды в «Системе философии»: три части мира – субъект (профизическое бытие), ценности (умопостигаемый мир), мир действительности – предполагают нечто трансцендентное, основание, которое можно мыслить лишь символически (излагается по: Новая философская энциклопедия. Риккерт). В конце 1930-х годов ввел четвертый – это план благодатного бытия, в котором воспитание выступает как Спасение, которое осуществляется через любовь к ближнему и любовь к Богу и ведет человека к личному бессмертию. В этом высшем, эсхатологическом смысле, Гессен понимает и образование, которое есть «забота о смерти», забота об идущих на смену поколениях, которым передается культурное наследие, живой поток творчества. Таковы этапы истории человечества, движения от биологического бытия к Царству Божьему, в процессе которого возможны периоды упадка в духовно-культурной сфере. Само понятие Царства Божьего Гессен однозначно не формулирует в связи с понятиями «культура», «ценности», но анализ его идей показывает, что Царство Божие в аспекте темы культурных ценностей можно определить как состояние человечества, когда для воплощения ценностей культурные формы уже не нужны.

Взаимоотношение философии и истории Гессен видит так: «Вся философия в целом, а не одна только этика должна была бы “обосновывать” историю. Но *как знание*, история зависит только от логики, и задача ее не оценивать и судить, а познавать, т.е. сохранять в знании изучаемую ею индивидуальную действительность, “постигать умом отсутствующее как присутствующее”»¹.

Перманентные изменения в социуме время от времени придают новое содержание проблеме смысла истории, и не все уверены, что история демонстрирует прогрессивное движение человечества; события новейшей истории, проявления варварства в течение последнего столетия существенно охладили энтузиазм и веру в прогресс. Угрозы существованию человечества, как в цивилизационном, так и экологическом аспектах, вновь доказывают значимость этого «вечного вопроса философии»: ждет ли человечество, проходящее сквозь огонь и медные трубы какой-либо пока неизвестный нам финал? Иначе говоря, есть ли смысл истории?

Изучая историческую динамику, мы вынуждены предполагать наличие какого-то смысла Истории; в противном случае придется признать арену истории царством абсурда. По понятным причинам, говоря о неокантианце, нельзя обойтись без ссылки на мнение великого кёнигсбержца, Иммануила Канта. Несколько расстроенный общей картиной исторического процесса, Иммануил Кант все же усматривает в ней общую прогрессивную тенденцию. И не просто тенденцию, но считает прогресс истинной це-

¹ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – С. 260.

лью исторического процесса, находя основания для такой идее в самой Природе, предположившей для человека нечто большее, чем просто животное существование. Природа, в которой нет ничего лишнего, нет расточительства, дала человеку Разум и свободную волю, но наделила минимальным количеством возможностей по сравнению с животными, чтобы побудить человека к саморазвитию. Иммануил Кант в эссе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» приходит к выводу, что «историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы – осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество».

Смысл истории может пониматься как цель, направление или как значимость. В первом случае, предполагая наличие «пункта назначения», логично задаваться вопросом о конечности истории, а также тем, что было, и было ли что-то до начала истории. Стремится ли человечество к реализации какого-то неясного замысла? Во втором случае, вопрос можно переформулировать так: можно ли выявить тенденцию, увидеть исторические законы за внешней беспорядочностью событий, которые сделают историю интеллигибельной для тех, кто ее изучает? Мнение Сергея Иосифовича Гессена относительно смысла истории изложено в его статье «Мистика и метафизика», его выкладки приводят к следующей формулировке: смысл истории – предмет веры. «Реализация же ценностей в процессе истории, а в особенности уверенность в их реализации в будущем – есть предмет веры, преимущественно религиозной. Постольку и идея миропорядка и идея прогресса есть вера в миропорядок и прогресс, т.е. объект переживания» [2, с. 154]. Гессен, несомненно, историософствует, полагая предельными основаниями исторического бытия ценности и Царство Божие. Для понимания сути гессеновских историософских идей необходимо привести его интерпретацию понятия «исторический факт», которое он отличает от понятия «факт, свидетельствующий об исторических событиях».

Одной из характеристик исторического времени является то, что ничто не повторяется в точно такой же манере. Исторический факт – событие всегда уникальное, единственное в своем роде. Историческое прошлое есть особый, чем-то отмеченный, избранный вид прошлого, поэтому исторический факт не исчерпал себя в своем, во времени возникшем и во времени исчезнувшем же бытии; передался от поколения к поколению, (история – есть предание). Он не прошел, но вошел составным элементом в настоящее. Историческое прошлое – непреходящее, надвременное, сверхличностное, которое именно поэтому можно восстановить в знании. И именно поэтому прошлое – историческое, потому что причастно началам непреходящим, надвременным, сверхличностным. Изучая исторический факт, историк раскладывает его на составляющие культурные компоненты, тем самым, устанавливая его связь с неким, более обширным целым, понимаемое, в свою очередь, из «облегающей его индивидуальной совокупности культурных “влияний”». Этот процесс последовательного включения исторического факта в объемлющую его связь индивидуального целого не имеет конца»², уходя, таким образом, в трансцендентное для нас. Исторический факт – факт реализации недостижимых в своей неисчерпаемости ценностей, которые есть минимум трансцендентного бытия. Трансцендентное – иррациональное по сути. «Реализованная ценность – это иррациональный факт истории, который абсолютно дан, который можно только пережить, найти, вскрыть»³. И далее: «Для исторического знания исторический универсум, точно очерчивающий начало и конец истории, есть такая же неразрешимая идея, как для естественно-научного знания неразрешимой идеей является тот последний закон, та общая формула Лапласа, которая устанавливает в единой совокупности перекрещивающихся рядов все известные законы природы и каждому событию в природе указывает в ней свое определенное, числом закрепленное место»⁴.

Однако, по мнению Гессена, можно говорить о том, что есть некое начало – культурные ценности, цели-задачи, в движении к ним происходит развитие: усилия, направленные на их разрешения, продолжают друг друга; достигнутое раньше сохраняется в последующем. Они объединяют поколения общностью задач, в виде этих задач они предстоят человеческому творчеству. Они:

– ценны сами в себе;

² Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – С. 261.

³ Там же.

⁴ Там же.

– неисчерпаемы.

Такие цели-задания присутствуют во всех областях: в науке, искусстве, хозяйственной деятельности. Например, задача науки никогда не будет исчерпанной, лишь переформулируются задачи: во времена Гессена говорили – «господство над природой», сейчас – использование её (прагматизм), в будущем, возможно, речь будет идти о коэволюции. Ценность же этих задач в том, что они служат условиями и средствами решения других задач. Эти культурные ценности безусловны в своей значимости; безусловная значимость – называется бесконечностью, так как их значимость в каждый данный момент превышает действительность. Совокупность таких ценностей – есть существо культуры. Мыслитель считает, что история есть там, где есть культура и народ тем культурнее, чем дольше живет исторической жизнью, чем больше накопил он того непреходящего прошлого, которое, сохраняясь, передаётся от поколения к поколению.

Итак, С.И. Гессен выстраивает своё понимание истории «по горизонтали»: исторический факт является таковым в силу своей причастности настоящему через посредство сверхвременных, сверхличных начал, которые он называет целями-задачами, культурными ценностями. Культурные ценности носят трансцендентальный характер, поскольку содержат в себе общезначимое, и благодаря этому содержанию могут быть восстановлены в знании. Сами же культурные ценности есть бесконечное движение к «тому последнему закону», к тому единому, абсолютно трансцендентному в отношении ко всему бытию в целом, являясь, таким образом, его минимумом.

Список литературы

1. *Бибихин В.В.* История современной философии (единство философской мысли). – СПб.: Владимир Даль, 2014. – 398 с.
2. *Гессен С.И.* Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1998. – 812 с.
3. *Лотце Г.* Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии: в 3 т. / пер. Е. Корша. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1866–1867. – 160 с.
4. *Найбороденко Л.М.* Участие профессора Томского университета С.И. Гессена в профессиональном развитии сибирского учительства в годы революции и гражданской войны // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 2. – С. 11–17.
5. *Сторчеус Н.В.* Русское неокантианство Баденской школы в истории русской и европейской философии начала XX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М., 2016. – 150 с.

References

1. *Bibihin V.V.* Istoriya sovremennoj filosofii (edinstvo filosofskoj mysli). – SPb.: Vladimir Dal', 2014. – 398 s.
2. *Gessen S.I.* Izbrannye sochineniya. – M.: ROSSPEN, 1998. – 812 s.
3. *Lotce G.* Mikrokosm. Mysli o estestvennoj i bytovoj istorii chelovechestva. Opyt antropologii: v 3 t. / per. E. Korsha. – M.: Izd. K. Soldatenkova, 1866–1867. – 160 s.
4. *Najborodenko L.M.* Uchastie professora Tomskogo universiteta S.I. Gessena v professional'nom razvitii sibirskogo uchitel'stva v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny // Vestnik TGPU. – 2009. – № 2. – S. 11–17.
5. *Storcheus N.V.* Russkoe neokantianstvo Badenskoj shkoly v istorii russkoj i evropejskoj filosofii nachala XX veka: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.03. – M., 2016. – 150 s.